

25 декабря 1959 г., № 301 (1064)

ТЕАТР «Дело Артамоновых»

Куйбышевский театр имени А. М. Горького показал в Кремлевском театре одну из лучших своих работ — инсценировку «Дела Артамоновых».

Это не первая встреча москвичей с театральными коллективами периферии. И так же, как предыдущие (спектакли Курского, Воронежского и других театров), она принесла большую радость зрителям. Спектакль «Дело Артамоновых» явился еще одним доказательством того, что многие театры страны успешно соревнуются с самыми сильными коллективами Москвы и Ленинграда.

Театр поставил перед собой задачу большой трудности. На протяжении более чем полувека развития разветвляется действие горьковской повести. Писатель рисует в ней смену трех поколений семьи фабрикантов Артамоновых, последовательно показывая, как неумолимо и безжалостно действует здесь «закон вырождения». Внутренний мир героев повести раскрывается и через отношение каждого из них к своему «делу», в в их повседневной жизни, в семейных отношениях, в том, как относятся они к окружающим, какой ценой меряют человеческую жизнь (по меньшей мере у четверых Артамоновых на совести жизнь человека).

Любая из этих «линий» могла бы составить содержание целой пьесы, а в инсценировке нужно было объединить их все. Мало того, театр должен был убедить зрителя в том, что между картинами и актами проходят годы и десятилетия, показать, как меняются на протяжении спектакля его герои.

Конечно, невозможно было перенести повесть Горького на сцену без каких-то существенных потерь. Так, недостаточно раскрыта в спектакле широкая натура старшего Артамонова (хотя исполнитель роли артист С. Пономарев нарисовал живую, сочную фигуру); более сложными в повести предстают такие образы, как Петр, Алексей, Тихон Вялов; для зрителей, не знающих самого произведения, многое останется неясным в образе Якова, в его взаимоотношениях с охотником Носковым и с Полиной.

Но самое главное в повести — ее основные образы — нашло глубокое и яркое воплощение на сцене театра. В спектакле хорошо передана сама атмосфера изображаемой Горьким жизни, убедительно показана неизбежность духовного измельчания героев, неотвратимость их гибели. И в этом равная заслуга всех создателей спектакля — от автора инсценировки В. Молько, режиссера П. Монастырского и художника Ю. Бабичева до исполнителей всех, даже самых маленьких, эпизодических ролей.

Спектакль, и это можно сказать смело, отличается идейная и художественная цельность. Второстепенные роли, несущественные, на первый взгляд, детали продуманы режиссером и исполнителями так же внимательно и любовно, как и решающие образы и эпизоды. Все подчинено одной цели — глубже, полнее донести до зрителя замысел Горького, его яркое, меткое слово.

Очень точно найден внешний облик спектакля. Короткие титры — цитаты из повести — не просто «связывают» отдельные картины, но и помогают зрителю ощутить бег времени, заполняют хронологические разрывы между эпизодами и актами. А на сцене, тяжелые древние скамьи и поставцы уступают место креслам и буфету, шелковая рубашка и картуз Алексея сменяются визиткой и шляпой, мужичий сын Петр укутывает боль-

ные ноги теплым шерстяным пледом. За крышей же артамоновского дома вырастают новые трубы «разбухающей» фабрики, в маленькой каморке плотник Серафим неутомимо сколачивает все новые и новые гробы, и

неизменными остаются только огромная вывеска «Илья Артамонов и с-вья», протянувшаяся над сценой, да тускло мерцающий огонек лампадки в правом углу мрачной комнаты.

На наших глазах меняются и герои. Трудно узнать высокого, статного красавца плясуна Алексея в горбившемся, прихрамывающем человечке с острой бородкой и беспокойно бегающими глазами; стройную, ясноокую Наталью — в расплывшейся старухе с тупым, ничего не выражающим лицом; невзрачного деревенского парня Петра — в толстом бородатом купчине, бывшем зеркале в «роскошно» обставленном номере гостиницы.

Все это внешнее (здесь особенно хочется отметить мастерски выполненные гримы и костюмы) хорошо оттеняет духовную эволюцию героев спектакля. В хищное стяжательство, в мечты об укреплении политической роли купечества уходит Алексей, когда-то жаждавший «вольной» жизни, предпочитавший солдатчину томительному прозябанию в тиши артамоновского дома. Тупеет и ожесточается Петр, насильно «привязанный» к чуждому, не интересному для него делу. И рядом с мрачным, всегда недовольным Пегром окончательно обезличивается когда-то мечтавшая о любви, о счастливой семейной жизни Наталья — артистка Л. Ливанова. Из всех человеческих чувств у нее осталось лишь одно — жадность.

А на смену второму поколению Артамоновых уже приходит следующее: тешно пытающийся спрятаться от жизни, смертельно напуганный приближением революции Яков — артист А. Чурсанов, расчелливый делец Мирон — артист О. Тарасов, еще верящий в возможность остановить ход истории. И только порвавший со своей средой Илья — артист В. Зюзин — находит достойный путь, прямыая к революции, выступая на стороне новых сил жизни.

Так, картина за картиной, раскрывается перед нами история физического и духовного разложения купеческой семьи, устоя которой, столь прочные когда-то, рушатся вместе со всем обреченным на слом старым миром. Правдиво, психологически убедительно раскрыты режиссурой и исполнителями образы и судьбы героев спектакля.

Когда еще задолго до революции А. М. Горький рассказал Ленину о замысле «Дела Артамоновых», Владимир Ильич согласился с тем, что это отличная тема, но сказал, что он не видит, чем эта повесть закончится: «Конца-то действительность не дает».

Конец повести подсказала Горькому революция. «Дело Артамоновых», задуманное еще в начале века, он написал только в 1925 году.

Финал спектакля прост и символически глубок. Поворот сценического круга уносит за кулисы беселку, в которой умирает жалкий, потерявший человеческий облик Петр Артамонов. Пустой двор артамоновского дома освещен лучами заходящего солнца, над темными корпусами фабрики — знакомая вывеска «Илья Артамонов и с-вья», покосившаяся, с отбитыми буквами. Откуда-то доносятся слова революционной песни. А на первом плане с вятковкой в руках, в шинели и папаше с красной ленточкой — рабочий-красногвардеец. Он неторопливо, по-хозяйски оглядывает все вокруг и медленно идет к рампе, зорко всматриваясь вдаль...

История Артамоновых закончилась.

Н. КАЛИТИН.